

ЯНА САКОВСКАЯ
АМСТЕРДАМ

Яна Саковская

Амстердам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24869012

Аннотация

Они встретились, когда были молодыми, Виктор и Амстердам. Виктор, вдумчивый наблюдатель, стал писателем. Амстердам, лёгкий на подъём любитель технологических новинок, стал предпринимателем и инвестором. Вместе они стали друзьями на всю жизнь. Они дали друг другу два обещания. Первое – что когда-нибудь они вместе поедут в Амстердам. Второе – что когда Амстердам будет умирать, Виктор будет рядом. Шли годы – эти обещания не выполнялись. Пока Амстердам занимался многочисленными проектами, Виктор написал книгу, "Амстердам без Амстердама", о городе и его жителях. Пока Амстердам был на випассане в Индии, Виктор умер. Они не успели вместе съездить в Амстердам. И Виктор умер раньше. Однако обещания, которые они дали друг другу, сильнее смерти. И будут исполнены.

Амстердам

Получаю из хранилища свои ноутбук и телефон, включаю телефон.

49 пропущенных вызовов. Вначале сплошь от Оливии, потом попеременно то Оливия, то Марселла. В конце только Марселла.

9 новых сообщений.

От Оливии.

«Амстердам, Виктор умер. Не могу до тебя дозвониться. Похороны послезавтра. Позвони мне, как прочтёшь это сообщение».

Ноги подкашиваются, и я опускаюсь на пол прямо посреди холла.

«Амстердам, прощание завтра в 14. Все встречаются в полдень у нас. Ты будешь?»

«Амстердам, мать твою».

От Марселлы.

«Амстердам, мне очень жаль. Если тебе нужно будет поговорить с кем-то, ты всегда можешь позвонить мне. Оливии тяжело, но сейчас я с ней. Может быть, это шанс и для нас оставить старые обиды и вновь сблизиться».

С неизвестного номера.

«Уважаемый Амстердам Дисмор, здравствуйте. Это адвокат и управляющий делами Виктора Нортстоуна. Приношу Вам свои соболезнования в связи со смертью Вашего

друга. Вы упомянуты в завещании, но оглашено оно может быть только в Вашем присутствии. Пожалуйста, свяжитесь со мной по этому номеру при ближайшей возможности. С уважением, Ричард Палмер».

Ещё четыре сообщения с соболезнованиями от общих знакомых.

Все – недельной давности.

Слышу, как меня окликают по имени. Поднимаю взгляд – куратор нашей группы доброжелательно смотрит на меня и шевелит губами. В ушах шумит, и его слова до меня не доходят. Он выжидающе смотрит на меня. Встряхиваю головой.

– Простите?

– Я спросил вас, всё ли с вами в порядке и могу ли я чем-нибудь вам помочь.

– Нет, со мной не всё в порядке. Неделю назад умер мой самый близкий друг во вселенной, а я тут сидел медитировал по десять часов в день. И если вы скажете, что на то была воля божья или что это подтверждает первую благородную истину, клянусь, я разобью вам лицо. Лучше просто отойдите.

Куратор молчит немного.

– Если вы предпочтёте ужинать и завтракать не вместе со всеми, а в своей комнате, то вам стоит только сказать мне об этом в течение дня, и ужин и завтрак будут поданы вам в комнату.

Он оказался намного более тактичным человеком, чем я ожидал, и я тронут.

– Спасибо. Я подумаю и сообщу.

– Привет, Оливия.

– Привет, Амстердам.

Я ожидал бури, но её голос звучит ровно. Я набрал её номер, особенно не готовясь к разговору – просто поднялся с пола, вышел на террасу и позвонил, и теперь я жду, когда внутри меня появятся хоть какие-то слова.

– Оливия, я... – слова виснут в воздухе, а она ждёт, что я скажу. Пока нужно сказать самое важное. – Я сожалею, что меня там не было. Я сожалею, что тебе пришлось проходить через это одной.

– Мне очень помогла Марселла. Она всё организовала и каждый день навещает меня, часто остаётся на ночь. Я думаю, что вам с ней стоит поговорить и помириться. Я думаю, что Виктор очень хотел бы этого.

Её голос звучит не ровно, как мне показалось вначале, а безжизненно. Я понимаю, что я ничего не мог сделать, но чувствую себя последней сволочью.

– Когда у тебя самолёт? И куда? В Брюссель или в какое-нибудь сафари или в полярную экспедицию на полгода? – голос её звучит язвительно, но я скорее рад этому. Давай, сердись на меня, но хотя бы будь живой.

– Мой самолёт завтра днём, но там неудачная 8-часовая пересадка в Абу-Даби, поэтому в Брюсселе я буду только послезавтра в полвосьмого утра.

– Заедешь к нам? В смысле, ко мне... – голос опять гаснет, и у меня перехватывает горло.

– Конечно. Будет ли у тебя настроение испечь блинчиков? Местная диетическая аюрведическая кухня сделала меня полупрозрачным, и я мечтаю о твоих блинчиках, – Я зажмуриваюсь и втягиваю голову в плечи: не о блинчиках мы должны сейчас говорить! Слова сорвались быстрее, чем я обдумал их, и сейчас мне ужасно стыдно.

– Хорошо, – отвечает она легко. – Будет хотя бы, чем заняться.

– А, и ещё. Передай, пожалуйста, Марселле, что я позволю ей, когда вернусь. Сейчас я больше ни с кем не хочу разговаривать.

– Поняла тебя, – и неожиданно её голос теплеет. – Обнимаю тебя, Амстердам. Мне жаль, что ты сейчас там один. Приезжай, я накормлю тебя блинчиками, и мы поплачем вместе.

– Обнимаю тебя, Оливия. – Дрогнувшим голосом говорю я, и мы заканчиваем разговор.

Я пишу адвокату короткое сообщение о том, что я свяжусь с ним после возвращения, выключаю телефон и направляюсь в свою комнату, привычным движением направляя внимание на дыхание. За три недели випассаны меня, слава богу, научили отключать мысли и проводить время. Хоть чем-то она пригодилась.

– Представляешь, он катался на коньках. Неудачно упал, ударился затылком об лёд, случилось кровоизлияние в мозг, и в больнице он умер, не приходя в сознание.

Оливия невидящим взглядом смотрит в окно, а я дожёвываю кусочек блинчика и откладываю вилку. Выглядит Оливия неважно: похудела и как-то посерела.

– Ты ешь! – она переводит взгляд на меня. – Это я так, болтаю. Тебе же всё равно интересно. Блинчики-то хоть получились?

– Да, вкусные. Спасибо, что приготовила.

– Пожалуйста, – она грустно усмехается. – Во многих делах сейчас я не вижу смысла, поэтому мне приятно было провести осмысленный час жизни за готовкой.

– Спасибо, – повторяю я и продолжаю завтрак. Оливия держит кружку двумя ладонями около лица, уперев локти в стол, и вновь смотрит в окно.

– Никто не успел с ним попрощаться. Точнее, в каком-то смысле все успели. Все когда-то попрощались с ним в последний раз, – голос её дрожит, она отворачивается, а я вспоминаю своё прощание с ним. В тот день из издательства прислали две коробки авторских экземпляров его последней – боги, теперь уже официально последней – книги, «Amsterdam without Amsterdam», и он позвал меня открывать коробки и праздновать это событие. А потом я вернулся к себе, собрал вещи и улетел на випассану в Мумбаи.

– Как прошла презентация?

– Благополучно. Ровно, продуманно. Всё, что нужно было подготовить, было подготовлено заранее, и в день презентации Виктору нужно было просто приехать вовремя, пожать всем руки, рассказать о книге, подписать несколько десятков экземпляров, сфотографироваться с желающими, ещё раз пожать всем руки – и всё. Мне очень понравилось, каким он стал в работе над этой книгой – собранным, лёгким и спокойным. И книга вышла такая, и всё вокруг неё получалось таким. А ты успел прочитать?

– Нет, я взял с собой, но там как-то было не до этого...

– На презентации Виктор говорил только о тебе, – Оливия смотрит мне прямо в глаза, и почему-то я чувствую себя очень виноватым, как будто это я совершил нечто непоправимое. – Говорил не о книге, а о тебе.

Я не знаю, что ответить на это. Головой я понимаю, что она, Марселла и другие уже неделю живут в мире без Виктора и уже хотя бы немного свыклись с этой мыслью и проходят разные стадии горя, а я пока ещё не могу осознать, как это: когда нет Виктора.

– Вечером придут Марселла и Ричард, адвокат. Останешься до вечера? – меняет тему Оливия.

– Да. Я бы в таком случае принял душ и вздремнул – всё-таки больше суток в дороге. Ты не против?

Оливия встаёт и начинает собирать со стола пустую посуду.

– Амстер, я могу ревновать или не принимать этого сколь-

ко угодно, но это не отменяет факта, что этот дом настолько же твой, насколько мой. И ты тоже это знаешь. Поэтому иди спи, мойся, приходи в себя – только не умирай, пожалуйста, ладно?

Я допиваю последний глоток кофе, отдаю ей чашку, киваю и иду приводить себя в порядок.

Поднимаю было руку, чтобы по привычке постучать в дверь кабинета Виктора, но понимаю, что в этом больше нет необходимости. Прислоняюсь горячим лбом к прохладной двери на несколько вдохов и выдохов и открываю дверь.

Почти ничего не изменилось. Только из двух коробок «Амстердама без Амстердама» осталась одна, и Виктор передвинул её к подоконнику. Цветы выглядят вяло. Беру из угла подоконника бутылку с водой и поливаю их. Надо будет и остальные в доме полить: Оливия вряд ли думала в цветах в эти дни.

Я знаю этот книжный штамп, «всё выглядит так, как будто он только что вышел на несколько минут и вскоре вернётся», и я ничего не могу с собой поделать, потому что меня охватывает именно это ощущение.

На столе – листочек со списком дел на 30 января, день, когда его уже не было в живых. Позвонить в издательство, оплатить счета, написать несколько электронных писем... Касаюсь букв, написанных его рукой.

Сажусь в его кресло, где больше всего ощущается его при-

сутствие, и пытаюсь объяснить себе, что его больше нет. Что все эти книги, эти стол, кресло, диван теперь принадлежат не ему, а то ли мне, то ли Оливии, смотря что в завещании, и теперь это просто вещи, которыми нужно распорядиться. И теперь кто-то, и уже вечером мы узнаем, кто, является наследником авторских прав, а писателя, большого любителя слушать истории людей и самого-самого для меня человека, Виктора Нортстоуна больше на этой земле нет.

Поднимаю крышку его ноутбука. Экран показывает имя пользователя, Victor North, и предлагает ввести пароль. Я не знаю пароля. Поднимаю руку, чтобы закрыть ноутбук, и взглядом цепляюсь за коробку книжек. Вообще-то, может быть, я знаю пароль. Набираю:

«Amsterdam1979». Год нашего знакомства.

Ноутбук показывает мне рабочий стол. На рабочем столе – фотография. Он, Оливия, я, Марселла, с горящими глазами, у каждого – по сложенному листу бумаги с пожеланиями себе. Рождество пять лет назад.

Меня накрывает. Обхватываю руками живот и сажу, непроизвольно раскачиваясь туловищем вперед-назад. В голове пусто, а потом вспышками возникают слова. Я смотрю на коробку с книгами и говорю вслух.

– Я обещал тебе, что мы поедем в Амстердам. Ты ждал и, хоть и никогда не был в Амстердаме, написал книгу об Амстердаме. Об Амстердаме без Амстердама. Я думал предложить тебе поехать туда весной...

Тишина кабинета впитывает мои слова. Я перевожу дыхание.

– А ещё ты обещал, что будешь со мной, когда я буду умирать.

Оливия была даже ближе к истине, чем мы оба думали, когда она сказала, что этот дом настолько же мой, насколько её. Виктор оставил свою долю дома мне. Держателем авторских прав на все его книги, кроме последней, становилась Оливия, а права на «Амстердам» и все доходы с продаж переходили мне.

Ричард Палмер, спокойствием, аккуратностью и элегантностью костюма похожий на самого Виктора, сказал, что завещание было дополнено после того, как книга поступила в продажу. То есть, когда я уже был в Индии. Может быть, Виктор чувствовал приближающийся конец?

Марселла, усталая и время от времени направляющая в мою сторону вопросительно-печальные взгляды, была весьма удивлена, что Виктор оставил ей некую «коробку с воспоминаниями».

– Виктор сказал, цитирую, «Амстердам знает, о чём идёт речь, и где её искать», – адвокат вопросительно смотрит на меня. Я думаю секунду, киваю и перевожу взгляд на Оливию. Она поджимает губы. Я вздыхаю. Она наверняка опять думает что-то в духе «он любил своего друга больше, чем меня». За столько лет я пришёл к мысли о том, что бесполезно

что-то доказывать, пока она не будет готова допустить, что это не так или не совсем так, что в сердце Виктора было достаточно любви для нас всех. Но мне всё равно грустно, что внутри неё продолжается эта драма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.